

Об эрудиции
(не)православного
книжника первой
трети XVII века:
казус Кассиана
Саковича

On the Erudition
of a (non)Orthodox
Author from the First
Third of the 17th
Century: The Case
of Kasijan Sakovyč

**Маргарита Анатольевна
Корзо**

Институт философии
Российской академии наук,
Москва, Россия

Margarita A. Korzo

RAS Institute of Philosophy,
Moscow, Russia

Резюме

Кассиан Сакович (ок. 1578–1647) может по праву считаться одним из самых образованных представителей восточного монашества Речи Посполитой первой трети XVII в. Обширная эрудиция Саковича проявляется в разножанровых сочинениях его авторства: полемические трактаты против православных и отчасти униатов стали отражением перипетий его судьбы (после 1625 г. Сакович переходит из православия в унию, а в 1640 г. становится католиком); два компилятивных пособия по философии были отчасти связаны с преподаванием и ректорством в Киевской братской школе; рифмованный панегирик гетману Сагайдачному свидетельствует о поэтических талантах Саковича.

Цель статьи — взглянуть на авторские тексты Саковича как на источник для реконструкции круга его чтения и, таким образом, его эрудиции.

Цитирование: Корзо М. А. Об эрудиции (не)православного книжника первой трети XVII века: казус Кассиана Саковича // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1–2. С. 166–191.

Citation: Korzo M. A. (2022) On the Erudition of a (non)Orthodox Author from the First Third of the 17th Century: The Case of Kasijan Sakovyč. *Slověne*, vol. 11, № 1, p.166–191.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.7

Для исследования используются два предисловия Саковича к сочинению «Десидеросус, или стезя к любви Божьей» («Desiderosus, abo ścieszka do miłości Bożej», Краков, 1625) — польскому переводу анонимного испанского трактата начала XVI в., который подготовил и трижды опубликовал в конце XVI в. Каспер Вильковский (ум. после 1589). Атрибутирование встречающихся в посвящении Александру Заславскому и в обращении к «благочестивому читателю» латиноязычных фраз, сентенций, цитат, отсылок к отдельным историческим личностям и сочинениям, а также визуальных образов позволяет высказать предположение о том, какие книги были доступны Саковичу и могли стать источником его обширной эрудиции.

Ключевые слова

Кассиан Сакович, Речь Посполитая XVII в., источники эрудиции (не)православных книжников, «ресурс эрудиции» книг, «Desiderosus» (1625)

Abstract

Kasijan Sakovyč (ca. 1578–1647) can rightfully be attributed to one of the most educated representatives of both Orthodox and Uniate monasticism in Polish-Lithuanian Commonwealth of the first third of the 17th century. Kasijan's diversity in terms of literary genres reflects his wide knowledge. Thus, his polemical treatises against the Orthodox Church and, partly, against the Uniates, echoed the events of his personal biography: after 1625, Sakovyč converted from Orthodox Christianity to the Uniate Church; in 1640, he became a Catholic. Two textbooks (compilations from Pseudo-Aristoteles) were partly related to his teaching activity and rectorship at Kyiv Brotherhood school. A rhymed funeral eulogy for the Hetman of Zaporozhian Cossacks, Petro Sahaidachny, testifies to Kasijan's poetic talents.

The present article aims to investigate Sakovyč's writings as a means to reconstruct his personal "resource" or texts or books that he read and used in his literary activity. Two prefaces by Kasijan (a dedication to the nobleman Aleksander Zasławski and an appeal to the 'pious reader') are used for this case study, both written for "Desiderosus, abo Scieszka do miłości Bożej" (Desiderosus or a Path to God's Love) (Kraków, 1625). The work is a Polish translation of an anonymous Spanish treatise ca. 1515, which was prepared by Kasper Wilkowski (died after 1589) and published three times during the late 16th century. Attributing Latin phrases, maxims, quotations, and references to historical figures and works, visual images, etc., that are used in both prefaces, allows one to suggest what books were known and available to Sakovyč and could have been the source of his erudition.

Keywords

Kasijan Sakovyč, Polish-Lithuanian Commonwealth of the 17th century, sources of (non)Orthodox authors' erudition, "library resources", "Desiderosus" (1625)

Биография Кассиана (в миру Каллиста) Саковича (ок. 1578–1647) стала своего рода отражением религиозно-конфессиональной истории Речи Посполитой первой трети XVII в., для которой были характерны

напряженное полемическое противостояние православных с католиками и униатами, драматичные смены вероисповедания представителей разных конфессий. Выходец из православного священнического рода, Сакович первоначально связал свою судьбу с православным монашеством, приняв ок. 1620 г. постриг предположительно в Киево-Братском монастыре. Впоследствии он совершает две конверсии: после 1625 г. принимает унию, а в 1640 г. переходит в католицизм и проводит последние годы жизни в монастыре августинцев. Оба события получили отражение в сочинениях Саковича, который на протяжении многих лет не устает объяснять мотивы своих конверсий и даже в какой-то степени оправдываться. Сакович принадлежал к числу самых образованных представителей православного, а затем и униатского монашества той эпохи: он получил образование в Замойской и Краковских академиях; перебравшись ок. 1624 г. в Люблин, Сакович, по его собственному свидетельству, прошел курс наук у доминиканцев (вероятно, слушая лекции в *studium formale* ордена) [Пидгайко, Флоря 2021; Хижняк 2001]. Не исключено, что во время поездок в Краков Сакович общался и с иезуитами.

Сочинительская деятельность Саковича стала, в свою очередь, отражением его жизненного пути и поиска своей конфессиональной идентичности. Атрибутируемые ему издания состоят из авторских сочинений, переводов и компиляций, предисловий; за единственным исключением все они написаны на польском языке. Авторские работы — это главным образом полемические трактаты, создававшиеся и в униатский, и в католический периоды жизни, нацеленные на критику приверженности православных старому (юлианскому) календарю («Старый календарь» (1640), «Окуляры старому календарю» (1644), «Диалог, или Разговор Мачека с Дионисием» (1641; 1642)). Крупнейшее полемическое сочинение Саковича «Перспектива, или Объяснение заблуждений» (1642) обнажает «нелепости» в способах совершения православными Речи Посполитой отдельных таинств, в их церковном уставе и обычаях. Полемическим по тональности является и сочинение «Киевский схизматический собор» (1641 (два издания); Краков, 1642), в котором по дням излагаются решения православного Киевского собора 1640 г., сопровождающиеся критическим комментарием Саковича. Помимо полемических трактатов, его перу принадлежит рифмованный панегирик «Вирши на жалосный погреб» (1622), составленный по случаю кончины гетмана Войска Запорожского Петра Сагайдачного (ок. 1577–1622). К панегирику приложены два образца светских речей на траурные церемонии, составление которых традиционно приписывается Саковичу.

Сакович также подготовил расширенное переложение популярного в Европе сочинения Псевдо-Аристотеля «Проблемы, или Вопросы о природе человека» (1620) и компиляцию из трактатов Аристотеля, Фомы Аквинского, сочинений религиозного и медицинского характера «Трактат о душе» (1625). Оба издания тематически связаны и дополняют друг друга. Работу над ними Сакович начинает еще до монашеского пострига и подписывает предисловие к «Проблемам» светским именем Каллист. Открытым остается вопрос, замышлялись ли данные компиляции как учебные пособия в том числе для Киевской братской школы, в которой Сакович преподавал и выполнял обязанности ректора в 1620–1624 гг. В приложении к «Проблемам» опубликованы восемь «материй» светских речей на свадебные торжества и на похороны; они могли бы выполнять роль учебного материала или образцов красноречия для курса риторики¹.

Известен как минимум один реализованный издательский проект Саковича — «Десидеросус, или Стезя к любви Божьей» («Desiderosus, abo ścieszka do miłości Bożey»), который вышел из печати в 1625 г. в Кракове [Desiderosus 1625]. Речь идет о переиздании польского переложения анонимного испанского сочинения, подготовленного известным конвертитом из анабаптизма в католицизм Каспером Вильковским (ум. после 1589) [Idem 1589]². С этой книгой Сакович был знаком уже давно: книжник ссылается на нее в предисловии к «Проблемам» 1620 г. (см.: [Problematata 1620: A4v.]). Он указывает, что в свое время сделал перевод «Десидеросуса» на «славянский язык» (не уточняя, правда, переводил ли он с польского или с латыни), но необходимость сменить место жительства помешала ему опубликовать собственный перевод [Desiderosus 1625: 9v.]³.

Цель настоящей статьи — взглянуть на вышедшие из-под пера Саковича тексты как на источник для реконструкции круга его чтения и, таким образом, его интеллектуального багажа. Поскольку анализ всего писательского наследия в рамках статьи невозможен, я ограничусь только предисловиями Саковича к «Десидеросусу» 1625 г. В статье

¹ Вопреки утвердившемуся мнению (см., например: [Пам'ятки братських шкіл 1988: 434]), «материи» являются не оригинальным сочинением Саковича, но творческой компиляцией из различных речей светского характера, которые циркулировали до 1620 г. в рукописной форме, преимущественно в составе антологий образцов светского красноречия (см.: [Barłowska 2010: 223–234]). Приложения к «Проблемам» «материи» в 1626 г. были переизданы в виде брошюры.

² До 1625 г. было три издания: 1589, 1594, 1599. Об испанском оригинале и переводе Вильковского см.: [Bover 2007]. Благодарю Розалию Сасор (Rozalia Sasor, Варшава) за предоставление текста исследования Бовера.

³ Сакович называет издание 1625 г. вторым изданием «Десидеросуса» [Desiderosus 1625: 9]. Судя по всему, он не знал, что перевод Вильковского публиковался трижды и был знаком только с одним из изданий, а потому свое считал вторым.

решаются две неравноценные по масштабу задачи. *Первая* — описать используемые стратегии составления предисловий и указать на используемые книжником образцы. *Вторая и основная задача* состоит в реконструкции задействованного в каждом из предисловий «ресурса эрудиции»; она решается путем атрибуции встречающихся в предисловиях латиноязычных фраз, предложений, цитат, отсылок к отдельным историческим личностям и сочинениям, визуальных образов и аллюзий. В статье сознательно не акцентируется конфессиональная специфика анализируемых предисловий: эти мини-тексты рассматриваются в первую очередь как феномен интеллектуальной истории Речи Посполитой первой трети XVII в.

Предисловия и использованные для их составления образцы «Десидеросус» в переложении Вильковского представляет собой сочинение жанра *peregrinatio* — духовного странствия души к Богу [Cieszyńska 1995: 42–44]: в первой части душа пробуждается от заблуждений, во второй преодолевает гордыню, в третьей учится почитать Бога. Прославившийся переходом из анабаптизма в католицизм, Вильковский не случайно выбирает для перевода данное сочинение: описанную в испанском оригинале духовную метаморфозу Вильковский использует для повествования о своей личной духовной перемене, о своем превращении из еретика в сына Католической церкви [Waszewski 2005: 87–88]. Кто знает, возможно, именно данный посыл (наряду с иными достоинствами книги) привлек внимание Саковича.

«Десидеросус» Вильковского включает три предисловия разного объема. Первое адресовано князю Миколаю Радзивиллу по прозвищу «Сиротка» (1549–1616), при дворе которого Вильковский служил лекарем и занимался переводческой деятельностью. Выражая князю признательность за поддержку католиков в Литве, Вильковский акцентирует вклад Радзивилла в развитие школы и воспитание нового поколения образованных и благочестивых пастырей, что органично вписывается в намеченную Тридентским собором реформу католических учебных заведений. Идея важности и пользы образования и поддержки людей, которые служат во славу Бога своими знаниями и пером, проходит красной линией через все посвящение Радзивиллу [Desiderosus 1589: 2–8v.]. Второе предисловие Вильковский адресует представителям монашеского сословия, для которых в первую очередь и создавался «Десидеросус» [Ibid.: 9–9v.]. Третье лаконичное обращение «К христианскому читателю от того, кто издал эту книгу на латыни» [Ibid.: 10–11v.] Вильковский позаимствовал из латинского издания, которое легло в основу его польского переложения.

В своем переиздании «Десидеросуса» Сакович воспроизводит модель трех предисловий Вильковского: первые два принадлежат перу Саковича, третье буквально повторяет краткое обращение к читателю из латинской версии книги.

Первое предисловие — это посвящение князю Александру Заславскому (1577–1629) и его супруге княгине Ефросинии из рода Острожских (ум. 1628), датированное 12 июля 1625 г., Краков [Desiderosus 1625: 2v.–7v.]. Сакович называет князя своим благодетелем, благодарит за денежные пожертвования и за протекцию, которая позволила ему в Люблине «у отцов доминиканцев послушать небесную науку». Последнее важнее любой материальной помощи, потому что для Саковича учение или «мудрость ценнее золота». Посвящение книг духовного содержания представителям светской знати, по мнению Саковича, вполне соответствует древней традиции: поступает так Иустин Философ, посвящая «Вторую Апологию» римским императорам, которые воплощали не только воинские добродетели, но и любовь к мудрости. Ведь не случайно «варвары свою Палладу, богиню мудрости, но также и мира, рисовали с копьем в одной руке и с книгой — в другой» [Ibid.: 4]. И в гербе Заславского изображение креста соседствует с образом св. Георгия, символизируя гармонию мужества и благочестия. И такими должны быть все знатные роды в Речи Посполитой, утверждает Сакович, поскольку, как заметил «один римский оратор», не долговечен внешний блеск, которому не сопутствуют добродетели и образованность. Семья же князя являет совсем иной пример, и на ее счет нельзя отнести слова некоего «трагика», что приходят в упадок государства, в которых нет места справедливости, набожности и благочестия. пылая любовью к наукам, князь и в своем окружении хочет видеть таких же людей. О том, что данные качества ценны у государственных мужей, учит и история, поскольку за небрежение к ним и римские, и византийские императоры заслужили нелестные прозвища. Сакович выражает уверенность, что князь на досуге «не стыдится разговаривать с книгами» и вместе с королем Альфонсо⁴ осуждает тех представителей знати, которые чуждаются чтения. По примеру Альфонсо Заславский должен собирать вокруг себя увлеченных науками людей, поскольку только они и их муза смогут обеспечить князю достойную память у грядущих поколений — что Сакович подтверждает мнением «одного лирика». Сакович выражает надежду, что Заславский найдет при своем дворе место и для Десидеросуса — «божьего дворянина». И хотя у князя в свите нет недостатка ни в благочестивых, ни в образованных людях, но нет среди них такого человека, с которым можно бы было поговорить о небесных материях.

⁴ Альфонсо V Великодушный (1396–1458).

И это не удивительно, поскольку нравы при дворе отличаются от монастырских: многие горазды только рассуждать о добродетели, не зная, что это такое, или если и хотят быть добродетельными, то без усилий, взывая к Богу словами, а не сердцем. Но не таков «божий дворянин» Десидеросус, с которым князь сможет поговорить наедине о вещах спасительных. И хотя, признается Сакович, у князя в окружении нет недостатка в мудрых проповедниках, но, как заметил король Альфонсо, самый лучший наставник — это тот, который уже скончался, имея в виду книги авторов минувших веков.

Таким образом, в адресованном Заславскому посвящении Сакович рисует идеал представителя знати, у которого блеск происхождения соединен с набожностью и образованностью, который привечает в своем окружении людей начитанных и любителей наук, который деятельно поддерживает стремление других к учению — как князь поддержал в свое время и стремления самого Саковича.

Во втором предисловии («Благочестивому читателю, особенно греческой религии» [Ibid.: 8–12v.]; датировано 16 июля 1625 г., Краков) Сакович рассуждает о присущих каждому человеку обязанностях по отношению к ближним (ссылаясь на Сир 17:12), к которым относятся наставление словом и личным примером. Цитируя Григория Великого, Кассиан в качестве примера взаимного побуждения к добродетели апеллирует к образу крылатых животных у пророка Иезекииля, которые крыльями подгоняют друг друга. Обязанность служить другим распространяется в первую очередь на людей духовного сословия; но поскольку у Саковича в настоящий момент нет возможности наставлять верных «живым голосом», то он отдает в печать «Десидеросус», который способствовал бы не только стяжанию любви Божьей, но и склонял бы к братскому согласию представителей разных конфессий. И далее Сакович рассуждает о препятствиях для этого согласия, относя к ним и низкий образовательный уровень православного духовенства, и неразвитость школ, и отсутствие достаточного количества духовной литературы на языке, понятном не только для священников, но и для простых верующих. Сакович предлагает масштабную программу перевода книг назидательно-духовного содержания на «славянский язык», называя сочинения как греческого происхождения, так и известных в Речи Посполитой католических авторов. Значительная часть предисловия отводится рассуждениям о важности и пользе изучения иностранных языков⁵ и призывам подражать системе образования латинской школы. Тематика второго предисловия, таким образом, во многом

⁵ Подробнее о понимании Саковичем пользы владения иностранными языками и переводческой деятельности см.: [Довбищенко 2020].

схожа с тематикой посвящения Заславскому — с той лишь разницей, что Сакович рассуждает здесь уже не об идеалах (применительно в первую очередь к представителям знати), но о конкретных шагах по воплощению реформы школы и духовного образования как духовенства, так и верующих.

Оба авторских предисловия Саковича свидетельствуют о том, что он подражает Вильковскому, используя предисловия последнего в качестве основного образца. Это заметно в первую очередь в посвящении Александру Заславскому. В качестве адресата выбран представитель княжеского дома: Сакович признается, что копирует Вильковского, который украсил первое издание «Десидеросуса» «княжеским и сенаторским именем» [Desiderosus 1625: 3v.–4]. Повторяет Сакович и главную сюжетную линию — благочестивый и образованный представитель знати, способствующий распространению наук и развитию школы, привечающий при дворе людей ученых и славящих Бога своим пером. В обоих случаях и Вильковский, и Сакович не упоминают о светских заслугах князей, ограничиваясь лишь их интеллектуальными и духовными добродетелями. Отдаленной перекличкой с посвящением Радзивиллу можно считать и упоминание Саковичем в конце предисловия жены Заславского — Ефросинии Острожской: как Радзивиллы имеют заслуги в основании и содержании монастырей (о чем Вильковский упоминает в конце посвящения), так и род Острожских выступает фундаментом многих православных обителей.

Второе предисловие Саковича нельзя назвать *буквальным* подражанием Вильковскому, но и здесь заметно сходство отдельных тем и идей. Один из посылов «Десидеросуса» Вильковского состоял в том, что недостаточно самому стать католиком — необходимо активно включиться в обращение других людей [Hanusiewicz-Lavallee 2016: 140–141]. Важной формой борьбы за души могли бы стать переводы на польский язык тех книг, которые способствовали бы духовной формации верующих, в первую очередь — представителей духовенства и монашества. Эта идея подхвачена и развивается Саковичем, который не ограничивается, как Вильковский, общими рассуждениями, но предлагает конкретную программу по переводу религиозно-назидательных сочинений.

Рассматривая анализируемые предисловия в контексте переводческо-компиляторской деятельности Саковича, можно заметить, что, наряду с использованием приема подражания тексту-оригиналу, книжник мог прибегать к приему заимствования (пусть и с разной степенью полноты и дословности) из текста-оригинала. Последняя стратегия заметна в переводе Саковича «Проблем» Псевдо-Аристотеля и в «Трактате о душе». Тексты, которые Сакович предпослал данным изданиям

и подписал собственным именем, носят следы заимствований из вводных статей к краткой редакции латинского Псевдо-Аристотеля с заголовком «*Omnes homines naturaliter scire desiderant*», созданной в XIII–XIV вв. [Blair 1999: 181]; эта редакция в XVI в. зачастую публиковалась вместе с адаптацией «Проблем», выполненной итальянским философом Маркантонио Зимарой (1470–1537). Сакович в предисловии к своему переводу «Проблем» 1620 г. использовал фрагменты «*Omnes homines...*», а в предисловии к «Трактату о душе» дословно повторил часть этих заимствований, дополнив их текстом собственного сочинения, в котором он также подражал посвящению Зимары одному из представителей албанского рода Кастриоти (см.: [Problemata 1569: 2–2v., 86v.–87v.]⁶).

«Ресурс эрудиции» предисловий

«Ресурс эрудиции» анализируемых предисловий очень разный, что объясняется как их адресатом, так и теми задачами, которые ставит перед собой Сакович. Посвящение Заславскому перенасыщено свидетельствами эрудиции Саковича, изобилует латинскими фразами, цитатами из античной литературы и памятников ренессансной мысли, в нем встречается отсылка к визуальному образу; во втором предисловии он обращается к богословской традиции, появляются библейские аллюзии. Несколько иначе выглядит и способ, каким Сакович «подсказывает» читателю используемые в предисловиях источники.

Посвящение князю Заславскому

Иллюстративно-аргументационный материал в этом тексте распадается на несколько разновидностей. Во-первых, это сентенции без атрибуции, похожие по форме на крылатые выражения или пословицы, установить конкретный источник происхождения которых довольно сложно. Свое утверждение, что учение ценнее материальных благ, Сакович подтверждает сентенцией «*Sapientia enim omni est pretiosior auro*»⁷ [Desiderosus 1625: 3]. Фраза о мудрости, которая ценнее золота, могла быть несколько видоизмененной библейской цитатой, например: «*Posside sapientiam quia auro melior*⁸ est» («Приобретение мудрости гораздо лучше золота», Притч 16:16). Восхваление мудрости, ценнее которой нет ничего на свете, встречалось и в антологиях сентенций и изречений той

⁶ Отмечу в качестве примечания, что между большинством составленных Саковичем предисловий можно заметить не только тематическую, но и текстуальную переключку.

⁷ Во всех латинских цитатах сохранена орфография источника; все выделения в цитатах сделаны автором статьи.

⁸ В латинском тексте в ту эпоху использовалась как форма «*melior*», так и «*pretiosior*».

эпохи — со ссылками на очень разные источники, в том числе — на древнегреческого комедиографа Менандра⁹. О том, что сентенция функционировала как устойчивое выражение именно в приведенной Саковичем форме, могут свидетельствовать, среди прочего, библейские комментарии современника Саковича, иезуита Корнелия а Лапиде (1567–1637) (см., например: [Cornelius a Lapide 1663: 1032])¹⁰.

Еще одна сентенция без атрибуции похожа по форме на цитату, да и сам Сакович преподносит ее читателю как изречение одного «римского оратора»: «perit facile splendor, quem non roborant probitatis praesidia, aut quem non ornant literarum ornamenta» (легко приходит в упадок внешний блеск, который не подкреплён оплотом порядочности или который не украшен орнаментом словес) [Desiderius 1625: 4–4v.]. Данную фразу в буквальном ее звучании найти не удалось; вне контекста, из которого она была Саковичем извлечена, ее можно понять как минимум двояко. Первое возможное истолкование — речь идет об ораторе, внешний блеск которого быстро угасает/проходит, если он не подкреплён добродетельностью оратора и не украшен орнаментом словес. Но под внешним блеском можно понимать и проявление величия представителя знатного рода, и тогда данная фраза выступает как назидание государственному мужу о том, что его знатность ничто, если она не упрочена добродетельностью и не украшена ученостью. В контексте посвящения Заславскому второе истолкование представляется более логичным: именно такой смысл, судя по всему, Сакович и хотел донести до своего адресата. Рассуждения о добродетельности и образованности как важных украшениях знатного происхождения встречались повсеместно и в античной литературе, и в современных Саковичу политико-назидательных сочинениях, «зеркала» принцев и придворных, трактатах по дипломатии и даже в канонических требованиях к кандидату на епископский сан. А потому сама фраза, хотя и атрибутировалась Саковичем некому «римскому оратору», могла быть лишь эхом его общей начитанности. Выскажу осторожное предположение, что одним из источников вдохновения для Саковича вполне мог стать фрагмент письма от 1443 г. Энеа Сильвио Пикколомини (1405–1464) герцогу Австрийскому Сигизмунду, в котором будущий папа Римский Пий II рассуждает о добродетелях принца: истинного правителя, по его мнению, характеризует не столько внешний «splendor», сколько «decor litterarum» и «virtutum fama» [Pius II 1551: 604]. Фрагмент этого письма встречается во многих

⁹ Например: «Nulla possessio preciosior est sapientia» [Stobaeus 1557: 50].

¹⁰ Сакович, судя по всему, любил цитировать пословицы как на латыни, так и на польском (возможно, в собственном переводе), а иногда слагал из них двустишия (см.: [Sakowicz 1644: 6, 1-го счета]).

политико-назидательных сочинениях, например, в современном Саковичу «Театре политическом» («Theatrum politicum») Райнхарда Кёнига (1583–1658) в контексте рассуждения, подобает ли принцу чтение книг, а если да — то из каких именно областей знания (раздел «An principi conveniat literarum cognitio et qualis») [König 1622: 153]. Если Сакович имеет в виду действительно Пия II (что является не более чем предположением), то тогда атрибуцию фразы «римскому оратору» надо понимать не столько буквально (географически), сколько в ином смысле: как высказывание оратора Римской церкви.

В отдельных случаях Сакович атрибутирует те или иные латинские фразы, но косвенным образом, считая, вероятно, что они должны быть узнаваемы и без конкретных имен, поскольку речь идет об авторах, входящих в стандартный круг чтения образованного человека той эпохи. Так, Сакович приводит слова «одного трагика» «Ubi non est cura iuris, sanctitatis, pietatis fidei, instabile regnum est» [Desiderosus 1625: 4v.], имея в виду Сенеку Младшего и реплику Наперника Атрея из трагедии «Фиест» («Где стыд и честь отсутствуют, святое право, верность, благочестие, престол некрепок» [Сенека 1983: 208]). В другом месте Сакович ссылается на «лирика»: «Dignum laude virum Musa vetat mori» [Desiderosus 1625: 5], цитируя «Оды» Горация («Муза смерти не даст славы достойному» [Гораций 1993: 164]).

Но зачастую Сакович даже косвенно не указывает на авторство сентенций. Два высказывания о царящих при дворе нравах приводятся у Саковича вместе, что позволяет предположить, что они могли быть позаимствованы из одного источника: «Мы все в равной мере должны стремиться к христианскому совершенству, — рассуждает Сакович, — но при дворах господ это не так и просто, как сказал некто: “Rara avis in toto est, vere pius aulicus, orbe”. Откуда пошло и [выражение] “Exeat aula qui vult esse pius”» [Desiderosus 1625: 5v.–6].

Первая фраза («Благочестивый придворный — это во всем мире редкая птица») восходит к анонимной двухстраничной брошюре «Придворный алфавит» («Alphabetum aulicum»), опубликованной, судя по всему, в 1560 г. в эльзасском г. Мюльхаузене. Лаконичные сентенции о пороках придворных и придворной жизни расположены в алфавитном порядке. Можно предположить, что уже первое издание было двуязычным — латино-греческим, поскольку именно в такой форме «Алфавит» воспроизводится впоследствии; в начале XVII в. он даже был положен на ноты. Одним из первых «Алфавит» перепечатал ландскнехт, поэт и переводчик Ганс Вильгельм Кирххоф (1525–1605) в антологии «Отгони печаль» («Wendunmuth») [Kirchhof 1565: 62v.–63]¹¹, благодаря которой

¹¹ Здесь же Кирххоф дает информацию о времени и месте первого издания «Алфавита».

данный текст и получил широкое распространение. Образ «редкая птица» встречается в целом ряде крылатых выражений¹²; не исключено, что по аналогии с ними была построена приведенная в «Алфавите» фраза.

Сентенция «*Eheat aula qui vult esse pius*» — это дословная цитата из восьмой книги «Фарсалии» римского поэта Марка Аннея Лукана: «Кто хочет блюсти благочестье — пусть покинет престол: [добродетель и власть — несовместны]» [Лукан 1993: 185]. Сакович рассуждает, правда, не о правителе, но лишь о придворном. Именно в таком, несколько отличном от первоначального контексте данная сентенция встречается в антологии о придворной жизни и ее отличиях от жизни частной авторства немецкого гуманиста Генриха Петреуса из Хардегзена (1546–1615). Изданная в 1577 г., антология уже через год была значительно расширена самим автором за счет целого ряда переводных текстов и в таком составе перепечатывалась впоследствии (см.: [Kiesel 1979: 107–108]). В версии 1578 г. встречается не только фраза из Лукана (здесь она встроена в пространное предложение, римскому поэту не атрибутируется и вообще в качестве цитаты не выделяется), но и сентенция о благочестивом придворном как о редкой птице [Petreus 1578: 107, 134v.].

К этим двум сентенциям тематически примыкает латинская фраза «*De virtute loqui facile est, virtutibus uti / Hoc Samsonis opus*» («О добродетели рассуждать легко, добродетель практиковать / совершать добродетельные поступки — Самсонов труд»), которую Сакович следом повторяет в форме двустипа на польском языке: «*O sności mówić dzieło językowe / Lecz snotliwie żyć dzieło Samsonowe*» [Desiderosus 1625: 6]. Данное высказывание необходимо Саковичу для обоснования мысли, что большинство придворных готовы рассуждать о добродетелях, но не готовы прилагать усилий, чтобы жить в соответствии с этими добродетелями. Контекст, в который Сакович его помещает, принципиально отличается от контекста, в котором данная фраза была использована впервые: она восходит к трехчастной рифмованной похвале девственности Богородицы «*Parthenice Mariana*» пера итальянского поэта, реформатора ордена кармелитов Баптисты (Баттисты) Мантуанского (1447–1516). В первой части поэмы данная фраза звучит следующим образом: «*De virtute loqui minimum, virtutibus uti / Hoc Sansonis (sic!) opus tamen assuetudine longa*» [Baptista Mantuanus 1528: fv.]. Фраза Мантуанца (всегда в усеченной форме, обрываясь после «*opus*») воспроизводится в сочинениях очень разных жанров: от пособий по подготовке к исповеди до разнообразных политических тезаурусов (т. н. «*Schatzkammer*»). В версии Саковича заметна незначительная замена («*loqui minimum*» на

¹² Например, у Ювенала сравнение добродетельной супруги с редким черным лебедем («*rara avis in terris nigroque simillima cygno*») [Ювенал 1994: 60].

«*loqui facile est*»), которая несколько меняет смысловые акценты, хотя и не искажает фразу: вместо «говорить [о добродетели надо] *как можно меньше*» — «[это] *легко* говорить [о добродетели]». Это могло быть следствием цитирования по памяти; допустимо также предположить, что именно в такой форме данная фраза приводилась в источнике Саковича. Возможно, это было гомилетическое пособие «Нравственная сокровищница на Евангелия» («*Promptuarium morale super Evangelia*») бельгийского духовного писателя и энциклопедиста Лаврентия Бейерлинка (1578–1627): в контексте толкования Евангелия на праздник Благовещения фраза Мантуанца не только содержит «*loqui facile est*», но и сопровождается вынесенной на поле темой «*Loqui de virtute facile*» [Beyerlinck 1613: 123]¹³.

Иллюстративно-аргументационный материал о постижении книжной мудрости как о достойном для представителей знати занятии Сакович черпает из изречений Альфонсо V Великодушного (1396–1458). Сборник афористических изречений и шуток Альфонсо и историй о нем был составлен итальянским гуманистом Антонио Беккаделли по прозвищу Панормита (1394–1471), который с 1434 г. состоял у короля на службе. «О словах и делах короля Альфонсо» («*De dictis et factis regis Alphonsi*») датируется 1455 г.; с 1539 г. сборник часто издается с комментариями и подборкой изречений других государственных деятелей авторства Пия II.

Сакович трижды ссылается на Альфонсо, и все три раза использует отличающиеся способы цитирования. В первом случае Сакович излагает ситуацию (своего рода *exemplum*) на польском языке, приводя на латыни только прямую речь Альфонсо: «услышав как-то о некоем испанском короле, который якобы сказал, что великим мужам учение книжное не пристойит, [Альфонсо] сразу же вскочил и воскликнул: “*Bovis non hominis illa vox*” (это голос/речь быка, не человека)». После латинской сентенции Сакович дает ее польский перевод («*Woł tak ma mówić, a nie człek*») [Desiderosus 1625: 5]. И следом Сакович снова ссылается на высказывание Альфонсо, которое король сделал якобы в контексте описанной выше ситуации; но на этот раз прямая речь Альфонсо приводится полностью на польском языке: «весь Ветхий и Новый Завет я прочитал четырнадцать раз, и готов скорее утратить все сокровища, нежели [лишиться] одной книги» [Ibid.: 5]. Третье высказывание Альфонсо Сакович передает своими словам: «Альфонсо... самым лучшим

¹³ Впоследствии двустипшие Мантуанца могло «терять» упоминание о Самсоне и первая строка («*De virtute loqui minimum, virtutibus uti*») совмещалась со строкой из «Энеиды» Вергилия «*hoc opus, hic labor est*» («Вот что труднее всего!» [Вергилий 1994: 222]).

советом называл мертвый [совет]... то есть книги, которые он читал с удовольствием» [Ibid.: 6v].

Изречения Альфонсо пользовались огромной популярностью в раннее Новое время, тиражировались во флорилегиях и сборниках сентенций, пособиях по красноречию и философских трактатах. Не исключено, что Сакович держал в руках «О словах и делах» или располагал выписками из сборника: в Речи Посполитой он был достаточно известен и широко цитировался в сочинениях очень разных жанров [Grabski 1969], хотя на польский язык до 1625 г. полностью не переводился. Но возможно, что источником могли стать сочинения нидерландского гуманиста Юста Липсия (1547–1606) «Шесть книг политики или гражданского учения» («*Politicorum sive civilis doctrinae libri sex*») и «Наставления и примеры политические» («*Monita et exempla politica*»), которые в ту эпоху выполняли в том числе роль своеобразных цитатников¹⁴ и в которых встречаются все три использованные Саковичем фрагмента [Lipsius 1606: 64; Idem 1599: 34]. В пользу данной гипотезы могут свидетельствовать следующие детали. Так, в «О словах и делах» устами Альфонсо говорится, что он прочел четырнадцать раз Библию [De dictis et factis 1591: 51], а у Липсия (как и у Саковича) речь о *Vetхом и Новом Заветах* [Lipsius 1606: 64]. В версии Беккаделли «*vox bovis*» противопоставляется «*vox regis*» [De dictis et factis 1591: 23], а у Липсия (как, впрочем, и во многочисленных флорилегиях той эпохи) — «*vox hominis*» [Lipsius 1606: 64]. У Саковича первая и вторая ссылки на Альфонсо представлены как единая ситуация: Альфонсо осуждает некоего испанского короля за нелюбовь к книгам и в укор ему говорит о своем чтении Св. Писания. Именно так эти фрагменты соединены и у Липсия в «Наставлениях и примерах», в то время как в версии Беккаделли — это два самостоятельных *exempla*, они приводятся в разных книгах сборника (соответственно, в первой главе первой книги пример № 6 и в первой главе второй книги пример № 17). В «Политике» Липсия встречаются и другие процитированные в посвящении Заславскому латинские фразы, например, из «Фиеста» Сенеки [Idem 1599: 45]. В современные Саковичу польские переводы «Политики» (Краков, 1595; 1608) не вошли многие из приведенных нидерландцем *exempla*, в том числе и анализируемые высказывания Альфонсо. А потому, если Сакович действительно использовал Липсия, то это должны были быть именно латинские издания.

Помимо сентенций и развернутых цитат в предисловии Кассиана встречается несколько латинских словосочетаний, которые служат

¹⁴ Липсий сам называл «Политики» *loci communes* (см.: [Moss 1998]).

скорее свидетельством начитанности книжника¹⁵ и иллюстрируют определенный тип школьной эрудиции, нежели отсылают Заславского и потенциального читателя к конкретным текстам или контекстам. Исключением можно считать словосочетание «*portenta imperii*» (дословно «монстры, выродки империи»), которым Сакович характеризует римского императора Лициния (ок. 260–325) и византийского императора Михаила II Травла (Бальба; ок. 770–829): оба «были названы так историками», поскольку не выказывали интереса к учению и наукам [Desiderosus 1625: 5]. Каких конкретно «историков» Сакович в данном случае имеет в виду, сказать сложно; но в современной ему литературе действительно встречается такая характеристика применительно к обоим правителям¹⁶. Само же латинское словосочетание могло вызвать у образованного читателя и другие ассоциации: оскорбительным «*rei publicae portenta*» (выродки республики) Цицерон обозвал своих врагов — консулов Авла Габиния и Луция Кальпурния Писона — во время выступления в Римском сенате в 56 г. до н.э. («...заклеймить Габиния и Писона, этих двух извергов, можно сказать, могильщиков государства» [Цицерон 1962: 205]).

В посвящении Заславскому Сакович обращается и к визуальному образу, напоминая читателю, как древние изображали Палладу: «...варвары свою Палладу, богиню мудрости, но также и мира, рисовали с копьем в одной руке и с книгой — в другой» [Desiderosus 1625: 4]. Сложно сказать, видел ли Сакович своими глазами подобную картинку или вычитал ее описание (упоминание о ней) в каком-то тексте¹⁷, но подобные изображения существовали: в сборнике эмблем французского гуманиста Пьера Кусто (1500–1599) на гравюре «*In statuam Palladis*» с девизом «Лучше всего, когда или короли философствуют, или философы правят» Паллада (Тритония) предстает с копьем и книгой [Coustau 1555: 132; *Emblemata* 2013: 1736]¹⁸. Эмблематическая традиция XVII в. также иногда использует книгу в качестве одного из атрибутов Паллады и символа мудрости, отсылая к фундаментальным трудам по мифологии Джильо Грегорио Джиральди (1479–1552) «*De deis gentium libri sive Syntagmata* 17.» и Натале Конти (1520–1582) «*Mythologiae, sive explicatio-*

¹⁵ О функциях «вплетания» латинских фрагментов в вернакулярные тексты в Речи Посполитой см.: [Ахегова 2004].

¹⁶ См.: «*Licinius, et Michael Balbus, qui vel calcarunt litteras, vel vetuerunt, et Imperatorum portenta audiunt*» [Scribani 1624: 524]. Стоит отметить, что характеристика «*portenta*» довольно часто использовалась и в ином, нежели у Саковича, контексте: по отношению к иконоборцам древности (см.: [Molanus 1570: 169]).

¹⁷ Передача словами визуальных изображений встречалась лишь в единичных православных сочинениях первой половины XVII в. Об одном из таких случаев см.: [Корзо 2021a].

¹⁸ Благодарю А. Е. Махова (Москва) за помощь в идентификации данного изображения.

num fabularum» (см.: [Solórzano 1653: 186]). Возможно, и Саковичу были известны эти компендиумы.

Предположения о возможном круге чтения Саковича можно сделать не только на основе встречающихся в предисловии сентенций, цитат, фраз или визуальных образов, но и на основе упоминания конкретных исторических событий. Объясняя свое желание посвятить «Десидеросус» именно государственному мужу, Сакович проводит аналогию с поступком Иустина Мученика (ок. 100 — ок. 165), который адресовал свой труд в защиту христианской Церкви «Апология» Марку Аврелию Антонину (121–180) и Луцию Коммоду Веру (130–169), в 161–169 гг. бывшим соправителями на римском престоле [Desiderosus 1625: 4]. Упоминание данного события может быть свидетельством знакомства Саковича, например, с «Церковной историей» Евсевия Кесарийского (ок. 264 — ок. 340), в которой есть эпизод о том, как Иустин вручил свой труд императорам, чтобы остановить гонения на христиан в Малой Азии [Евсевий Кесарийский 2013: 191].

Предисловие к «Благочестивому читателю, особенно греческой религии»

Иначе на источники своей эрудиции Сакович указывает во втором предисловии к «Десидеросусу». Здесь встречается значительно меньше латинских фраз — среди них единственная библейская цитата (Сир 17:12) [Desiderosus 1625: 8]. Примечательно, что в посвящении Заславскому Сакович также лишь однажды напрямую обращается к библейскому тексту, но не атрибутирует его как библейский [Ibid.: 6]. Единственная латинская сентенция во втором предисловии — это фрагмент из «Югуртинской войны» римского историка Саллюстия: «Concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilubuntur (sic!)» [Ibid.: 12] («Согласием малые государства укрепляются, от разногласий величайшие распадаются» [Саллюстий 1981: 44]¹⁹). Сакович приводит его в своих заключительных рассуждениях как призыв к церковному единству, называя в данном случае автора высказывания по имени — не рассчитывая, вероятно, на то, что каждый из «благочестивых читателей» знаком с данной сентенцией.

Один раз обращается книжник и к богословскому авторитету — при истолковании образа крылатых животных из книги пророка Иезекииля. Сакович, судя по всему, совмещает в одной фразе отсылки сразу к двум сочинениям Григория Великого; при этом фрагмент первого он передает своими словами, второго — цитирует практически дословно: «...голос крыльев, взаимно подгоняющих друг друга в полете, означает,

¹⁹ В современном русском переводе лат. «res parvae» переводится как «государство».

по Григорию, не что иное, как взаимное побуждение к доброму; и добавляет тот же Доктор: “крылом меня почти подталкивает тот, который меня примером или наставлением к доброму побуждает”» [Desiderosus 1625: 8]. Первая часть предложения отсылает к беседам Григория на пророка Иезекииля (на фрагмент «[слышал] шум крыльев животных, соприкасающихся одно к другому», (Иез 3:13) [Gregorius Magnus 1857a: 898; Григорий Двоеслов 1863: 284]; во второй части предложения Сакович дословно цитирует 8-ю главу 24-й книги «Толкования на книгу Иова», где объясняется фрагмент (Иов 33:27): «Ala enim sua me percudit, qui exemplo sanctitatis propriae me ad melius accendit» [Gregorius Magnus 1857b: 297].

Рассуждая о необходимости переводить религиозную литературу на понятный верующим язык, Сакович приводит в пример государственных мужей прошлого, которые радели о переложении священных текстов. Среди них — египетский царь Птолемей II Филадельф, который профинансировал перевод библейских текстов на греческий язык [Desiderosus 1625: 10v.]. Самое раннее упоминание об этом факте восходит к «Посланию Аристия к Филократу», которое повторили впоследствии Филон Александрийский и Иосиф Флавий [Фокин 2019: 77–80]. Источником для Саковича вполне мог быть и Юст Липсий, который упоминает об этом факте в трактате «О библиотеках» («De bibliothecis Syntagma») [Lipsius 1602: 11], излагая в хронологическом порядке сведения о библиотеках древности. Нидерландский гуманист адресует свой трактат вельможе Карлу III де Круа (1560–1612) — покровителю людей образованных и ученых, рассматривая свое сочинение как руководство для организации публичных библиотек, могущих стать источником возрождения наук и словесности.

Называет Сакович и конкретных авторов и книги, с которыми, по его мнению, должны познакомиться православные верующие (а может, и униаты?) и которые хорошо бы перевести на «славянский язык» с латыни или хотя бы с польского. Перечень распадается на две части. Первая включает таких традиционных столпов восточно-христианской духовности, как Ефрем Сирий, Макарий Египетский, Исаак Сирий, Иоанн Лествичник [Desiderosus 1625: 9], Василий Великий, Григорий Назианзин, Иоанн Дамаскин, Кирилл Иерусалимский, Епифаний Кипрский [Ibid.: 10v.]. Как важный пример плодотворной переводческой деятельности называет Сакович издание бесед Иоанна Златоуста на послания апостола Павла (Киев, 1623) [Ibid.].

Вторая часть приведенного Саковичем перечня включает сочинения западного происхождения:

Название сочинения в версии Саковича [Desiderosus 1625: 8v.]	Авторство и предположительное авторство	Оригинальное название сочинения
«Przewodnik do nieba» (Путеводитель на небо)	(?) Луис де Гранада (Luis de Granada (de Sargia), 1504–1588), доминиканец	(?) «Guía de pecadores» (1566); пол. «Przewodnik grzesznych ludzi» (1567), пер. иезуита Станислава Варшевицкого (Stanisław Warszewicki, ок. 1530–1591)
«O Naśladowaniu Pana Chrystusowym» (О подражании Господу Христу)	Фома Кемпийский (Thomas Hemerken, ок. 1379–1471), августианец	«De imitatione Christi»; пол. «O Naśladowaniu Pana Chrysta» (1571), пер. иезуита Якуба Вуека (Jakub Wujek, 1541–1597)
«Ray duszny» (Рай душевный)	Бернат из Люблина (Bernat z Lublina, ок. 1465–1529)	Польская переработка молитвенников «Hortulus animae» и/или «Antidotarius animae»
«Pinellus o “Doskonałości zakonney”» (Пинеллиус «О монашеском совершенстве»)	Лука Пинелли (Luca Pinelli, 1542–1607), иезуит	«De perfectione religiosa» (1602); пол. «O doskonałości zakonney» (1607), пер. иезуита Шимона Высоцкого (Szymon Wysocki, 1542–1622)
«Sposob dobrego umierania» (Способ доброго умирания)	Роберто Беллармино (Roberto Bellarmino, 1542–1621), иезуит	«De arte bene moriendi» (1620); пол. «Nauka dobrego i szczęśliwego umierania» (1621), пер. Анджея Лукомского (Andrzej Łukomski, ум. 1637). Сакович ссылается скорее на лат. издание
«O wstąpieniu myśli do Boga» (О восхождении мысли к Богу)	Беллармино	«De ascensione mentis in Deum» (1615); пол. «Piętnaście stopni, po których człowiek <...> przychodzi do wielkiej znajomości [Boga]» (1616), пер. Каспра Савицкого (Kasper Sawicki, ок. 1552–1620). Сакович ссылается на лат. издание
«Piętnaście stopni do nieba» (Пятнадцать ступеней до неба)	Беллармино	Это сочинение Сакович назвал выше; таким образом, ему были доступны и лат. оригинал, и пол. перевод.

Название сочинения в версии Саковича [Desiderosus 1625: 8v.]	Авторство и предположительное авторство	Оригинальное название сочинения
«O siedmi słowach Chrystusowych» (О семи словах Христовых)	Беллармино	«De septem verbis a Christo in cruce prolatis» (1618); пол. «Kazanie <...> O siedmi słowech, które Zbawiciel nasz wyrzekł <...>» (1622), пер. иезуита Петра Фабриция (Piotr Fabrycy, 1552–1622). Сакович ссылается скорее на лат. издание.
«O płaczu Gołębicu» (О плаче голубицы)	Беллармино	«De gemitu columbae» (1617); пол. «Wzdychanie gołębice» (1621), пер. иезуита П. Фабриция. Сакович ссылается скорее на лат. издание.
«O dobrze milczenia» (О благе молчания)	(?) Леонард Рубен (Leonhard Ruben, 1550–1609); иезуит, позднее бенедиктинец	«Lingua aurea Christianorum, qua docetur rectus modus tam tacendi, quam loquendi» (1606); известно и как «De bono taciturnitatis» — Сакович мог знать под этим названием.
«O czterech końcach ostatnych» (О четырех последних концах)	Франц Костер (Frans de Costere, 1531–1619), иезуит	«De quattuor novissimis vitae humanae» (1603); пол. «O czterech końcach ostatnich» (1606), пер. иезуита Петра Скарги (Piotr Skarga, 1536–1612).
«Rozmyślania codzienne» (Ежедневные размышления / медитации)	?	Не удалось установить, что именно Сакович имеет в виду; в названном сочинении Л. Пинелли есть похожее по названию приложение «Meditationes in septem dies Hebdomadae»; аналогичные разделы встречались и в молитвенниках. Можно предположить, что Сакович имеет в виду сочинение Псевдо-Августина «Meditationes», пол. «Rozmyślania» (1617), пер. иезуита Яна Аланда (Jan Alandus, ум. 1641).

Обращает на себя внимание, что Сакович только в одном случае назвал автора; но это не обязательно свидетельствует о том, что имен всех иных авторов он не знал. Не исключено, что именно Лука Пинелли был хуже всего знаком той аудитории, к которой Сакович обращается во втором предисловии. Названия некоторых книг приводятся в искаженной форме; Сакович мог воспроизводить их по памяти, не имея этих изданий под рукой. Лишь одно из сочинений западного происхождения, важных для духовной формации, как утверждает Сакович, уже было переведено на «славянский язык»: «Отец Виталий с латинского [языка] из Стелла Дидаки [ex Stella Didaci] слово в слово на славянский наш язык перевел и на свет издал» [Desiderosus 1625: 8v.]. Имеется в виду книга «Диоптра, альбо Зерцало» (Евье, 1612), которую игумен Виталий из Дубны подготовил на основе латинской версии сочинения «Книга о презрении к миру» («Libro de la vanidad del mundo») (1562) испанского францисканца-обсерванта Диего де Эстелла (1524–1578). Примечательно, что Сакович правильно идентифицирует латинского автора, сочинение которого легло в основу перевода Виталия, поскольку сама «Диоптра» не содержит информации о названии и авторстве оригинала (см.: [Корзо 2021б]).

Вне приведенного выше перечня Сакович называет еще несколько книг, заслуживающих внимания: недавно опубликованный труд доминиканца Фабиана Бирковского (1566–1636)²⁰, сочинения иезуитов Скарги («Жития святых») и Вуека (перевод Библии, Постыллы) [Desiderosus 1625: 10], их баварского собрата Иереми Дрекслея (1581–1638). Кассиан анонсирует в предисловии, что вскоре собирается издать перевод баварца на польский язык [Ibid.: 12v.], имея в виду, судя по всему, книгу «Размышления о вечности» («De aeternitate considerationes», 1620). Но ни в ее польской версии «Obraz wieczności abo uważania o wieczności» (1626), ни в иных изданиях сочинений Дрекслея в Речи Посполитой первой половины XVII в. Сакович в качестве переводчика или автора предисловия не фигурирует. Особняком стоит упоминание о недавней публикации «весьма необходимой книги о семи таинствах, которая многим открыла глаза» [Ibid.: 10]. Имеется в виду подготовленное униатами компилятивное сочинение «Наука о семи тайнах церковных» в составе виленского Требника 1617/1618 г. Судя по описанию Саковича, он явно был знаком с ее содержанием.

Перечисленные Саковичем позиции нельзя назвать непосредственными источниками анализируемого предисловия, но они могут многое

²⁰ Речь, вероятно, о сборнике воскресных и годовых проповедей Бирковского: «Kazania na niedziele y święta doroczne» (1620; 1623), латинская версия «Orationes Ecclesiasticae» (1622). Проповеди были опубликованы в краковской типографии Анджея Петрковчика (младшего), в которой в 1625 г. печатался «Десидеросус», а потому Кассиан вполне мог держать их в руках.

сказать о круге его чтения. Подборка рекомендуемых для ознакомления и, возможно, для перевода западных книг интересна тем, что не только среди авторов, но и среди переводчиков преобладают иезуиты (последнее обстоятельство акцентирует и сам Сакович); на втором месте стоят доминиканцы. Это может свидетельствовать как об основном круге общения Саковича (в своих контактах с доминиканцами в Люблине он признавался сам), так и о том, что книжная продукция именно этих орденов получила широкое хождение в православной среде.

* * *

Проделанный анализ предисловий Саковича к «Десидеросусу» можно считать лишь пролегоменами к реконструкции источников его, без сомнения, очень обширной эрудиции. Выбранные для исследования мини-тексты интересны тем, что их «ресурс эрудиции» необычайно многообразен в жанровом отношении и зачастую отличается от того, что с некоторой долей упрощения можно назвать *ожидаемым кругом чтения* православного (униатского) духовного лица — того круга чтения, который дает о себе знать в полемических трактатах Саковича.

Иллюстративно-аргументационный материал обоих предисловий очень разный, и это различие объясняется в первую очередь адресатом текстов: если с Заславским Сакович говорит языком античных и ренессансных авторов, выдающихся государственных мужей прошлого, то по отношению к пусть и «благочестивому», но пока еще не очень образованному читателю книжник считает такой язык неприемлемым (или, по крайней мере, пока еще неприемлемым). При том для самого Саковича оба языка вполне органичны, он чувствует себя свободно, рассуждая и о добродетелях придворных, и о нравственно-благочестивом чтении православного (а также униатского?) монашества и духовенства.

Реконструкция иллюстративно-аргументационного материала предисловий таит в себе больше вопросов, чем ответов. Если и можно указать на конкретный источник той или иной сентенции, цитаты, фразы или примера, то далеко не всегда можно высказать хотя бы предположение о том, какими текстами-посредниками (кроме названных *expressis verbis*) пользовался Сакович в том случае, когда он не использовал оригинал. Задачу усложняет и тот факт, что, мигрируя из текста в текст, отдельные фразы могли совершенно утрачивать связь с первоначальным контекстом, оказываясь совершенно в ином контекстуальном окружении. А потому в каждом случае мною была предпринята попытка очертить лишь приблизительный круг текстов или хотя бы жанров сочинений, в которых встречались приведенные Саковичем латинские фразы. Отдельные использованные Саковичем и не поддающиеся

идентификации цитаты (и цитаты ли?) могут быть всего лишь отзвуком его общей начитанности. Незнание *конкретных* текстов-посредников не позволяет ответить, например, на вопрос о том, как Сакович читал свои источники? Использовал ли он метод избирательного чтения, «выдергивая» из источника приглянувшуюся / подходящую по тематике фразу — или старался также передать тот контекст, в который данная фраза была встроена (например, чтобы и Заславский смог узнать данный контекст)? В какой степени Сакович был знаком с многочисленными флорилегиями и изданиями энциклопедического характера, которые могли стать для него важным источником эрудиции? Комплексный анализ реферативной базы всех авторских сочинений и переводов (компиляций) Саковича мог бы стать одним из способов ответить на эти вопросы.

Библиография

Источники

Вергилий 1994

Публий Вергилий Марон, *Собрание сочинений*, С.-Петербург, 1994.

Гораций 1993

Квинт Гораций Флакк, *Собрание сочинений*, С.-Петербург, 1993.

Григорий Двоеслов 1863

Григорий Двоеслов, *Беседы на пророка Иезекииля в двух книгах*, Архим. Климент, пер. с лат., 2, Казань, 1863.

Евсевий Кесарийский 2013

Евсевий Кесарийский, *Церковная история*, И. В. Кривушин, вводная ст., комм., библиограф. список и указатели, С.-Петербург, 2013.

Лукан 1993

Лукан Марк Анней, *Фарсалия или Поэма о гражданской войне*, Л. Е. Остроумова, пер., Ф. А. Петровский, ред., статья и комм., Москва, 1993.

Пам'ятки братських шкіл 1988

Пам'ятки братських шкіл на Україні: кінець XVI – початок XVII ст.: тексти і дослідження, І. Шинкарук, ред., В. М. Нічик, підгот. до вид. та комент., Київ 1988.

Саллюстий 1981

Гай Саллюстий Крисп, Югуртинская война, Idem, *Сочинения*, В. О. Горенштейн, перевод, статья и комм., Москва, 1981, 40–105.

Сенека 1983

Сенека Луций Анней, Фиест, Idem, *Трагедии*, С. А. Ошеров, Е. Г. Рабинович, подгот. изд., М. Л. Гаспаров, ред. (= Литературные памятники), Москва, 1983, 202–232.

Цицерон 1962

Цицерон Марк Туллий, Речь о консульских провинциях, Idem, *Речи в двух томах*, 2, В. О. Горенштейн, пер., В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, ред. (= Литературные памятники), Москва, 1962, 205–220.

Ювенал 1994

Ювенал Децим Юний, *Сатиры*, С.-Петербург, 1994.

Vartista Mantuanus 1528

Vartista Mantuanus, *Opus divinum de purissima virgine Maria*, Paris, 1528.

Beyerlinck 1613

Beyerlinck L., *Promptuarium morale super Evangelia festorum totius anni... Pars Aestivalis*, Köln, 1613.

Cornelius a Lapide 1663

Cornelius a Lapide, *Commentaria in Ecclesiasticum*, Antwerpen, 1663.

Coustau 1555

Coustau P., *Pegma, cum narrationibus philosophicis*, Lyon, 1555.

De dictis et factis 1591

Antonii Panormitae (Beccadelli), *De dictis et factis Alphonsi regis Aragonum et Neapolis, libri quatuor*, Rostock, 1591.

Desiderosus 1589

Wilkowski K., prz., *Desiderosus: Abo ścieszka do miłości Bożey y do doskonałości żywota chrześciańskiego*, Kraków, 1589.

——— 1625

Wilkowski K., prz., *Desiderosus, abo ścieszka do miłości Bożey, y do doskonałości żywota chrześciańskiego. Dialog dziwnie nabożny, y ucieszny: z hiszpańskiego na włoski, francuski, niemiecki, niderlandski y łaciński ięzyk, a potym y na polski przełożony przez Gaspara Wilgowskiego*, Kraków, 1625.

Gregorius Magnus 1857a

Gregorius Magnus, *Homiliarium in Ezechielem Prophetam libri duo*, Idem, *Opera omnia*, 2 (=Patrologiae Cursus Completus. Series Latina, 76), Paris, 1857, 781–1072.

——— 1857b

Gregorius Magnus, *Moralium libri, sive Expositio in Librum B. Job*, Idem, *Opera omnia*, 2 (= Patrologiae Cursus Completus. Series Latina, 76), Paris, 1857, 9–782.

Kirchhof 1565

Kirchhof H. W., *Wendunmuth. Darinnen fünff hundert und fünfftzig höflicher, züchtiger und lustiger historien*, 1, Frankfurt am Main, 1565.

König 1622

König R., *Theatrum Politicum tripartitum*, Jena, 1622.

Lipsius 1599

Lipsius J., *Politicoꝝ sive civilis doctrinae libri sex. Qui ad principatum maxime spectant*, Antwerpen, 1599.

——— 1602

Lipsius J., *De bibliothecis Syntagma*, Antwerpen, 1602.

——— 1606

Lipsius J., *Monita et exempla politica: libri duo, qui virtutes et vitia principum spectant*, Antwerpen, 1606.

Molanus 1570

Molanus J., *De picturis et imaginibus sacris liber unus*, Leuven, 1570.

Petreus 1578

Petreus H., *Aulica vita et opposita huic vita privata*, Frankfurt am Main, 1578.

Pius II 1551

Piccolomini E. S., *Opera quae extant omnia*, Basel, 1551.

Problemata 1569

Problemata Aristotelis, ac Philosophorum, Medicorumque complurium, Venezia, 1569.

——— 1620

Problemata abo Pytania o przyrodzeniu człowieczym, [Kraków, 1620].

Sakowicz 1644

Sakowicz K., *Okulary Kalendarzowi staremu*, Kraków, 1644.

Scribani 1624

Scribani C., *Politico-Christianus Philippo IV. Hispaniarum regi DD.*, Antwerpen, 1624.

Solórzano 1653

Solórzano Pereira J., de, *Emblemata regio politica in centuriam unam redacta*, Madrid, 1653.

Stobaeus 1557

Stobaeus J., *Epitome sententiarum sive locorum communium*, Basel, 1557.

Литература

Довбищенко 2020

Довбищенко М., Роль «руської мови» в релігійному житті України першої половини XVII ст. (за вступом Касіяна Саковича до твору «Desiderosus»), *Українознавство*, 4 (77), 2020, 21–32.

Корзо 2021a

Корзо М. А., «Вербальные картинки» в православной проповеди XVII в.: «Предмова Священническая при шлюбе Малженскомъ» во львовских Требниках 1644 и 1645 гг., *Studia Slavistici*, 18/1, 2021, 19–33.

Корзо 2021б

Корзо М. А., «Диоптра, альбо Зерцало, и выражене живота людского на томъ свете» (Евье, 1612): к истории православной литературы начала XVII в., *Вестник ПСТГУ, серия II: История. История РПЦ*, 102, 2021, 24–36.

Пидгайко, Флоря 2021

Пидгайко В. Г., Флоря Б. Н., Сакович Кассиан. Биография, *Православная Энциклопедия*, 61, Москва, 2021, 160–161.

Фокин 2019

Фокин А. Р., Теория «богодухновенного перевода» и ее критика у блаж. Иеронима Стридонского, *Христианское чтение*, 4, 2019, 77–98.

Хижняк 2001

Хижняк З. І., Сакович Калліст, Брюховецький В. С., ред., *Києво-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII ст. Енциклопедичне видання*, Київ, 2001, 471–472.

Ахерова 2004

Ахерова А., Łacińskojęzyczne wstępy jako element struktury znaczeniowej tekstów staropolskich, *Pamiętnik Literacki*, 2 (95), 2004, 157–165.

Baczewski 2005

Baczewski S., Literackie świadectwo konwersji – sprawa Kaspra Wilkowskiego, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio FF*, 23, Lublin, 2005, 75–90.

Barłowska 2010

Barłowska M., *Swada i milczenie: Zbiory oratorskie XVII–XVIII w. Prolegomena filologiczne*, Katowice, 2010.

Blair 1999

Blair A., The “Problemata” as a Natural Philosophical Genre, A. Grafton, N. Siraisi, eds., *Natural Particulars. Nature and the Disciplines in Renaissance Europe*, Cambridge, Massachusetts, 1999, 171–204.

Bover 2007

Bover A., “Desiderosus albo ścieża do Miłości Bożej i do doskonałości żywota chrześcijańskiego”. Polski przekład XVI-wiecznej anonimowej powieści katalońskiej “Spill de la vida religiosa”, *Studia Iberystyczne*, 6, 2007, 171–182.

Cieszyńska 1995

Cieszyńska B., Topos życia–wędrowki w staropolskich alegoriach edukacyjnych, *Zeszyty naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej. Studia Filologiczne*, 38 (= *Filologia Polska*, 16), 1995, 29–49.

Emblemata 2013

Henkel A., Schöne A., Hrsg., *Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts*, 2. Aufl., Stuttgart, 2013.

Grabski 1969

Grabski A. F., Alfons V Aragoński w Polsce, *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, 14, Warszawa, 1969, 131–140.

Hanusiewicz-Lavallee 2016

Hanusiewicz-Lavallee M., Dawne i nowe. Tożsamość wyznaniowa katolików świeckich w potrydenckiej Rzeczypospolitej, J. Dąbkowska-Kujko, red., *Formowanie kultury katolickiej w dobie potrydenckiej. Powszechność i narodowość katolicyzmu polskiego* (= *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*, 6), Warszawa, 2016, 103–144.

Kiesel H.

Kiesel H., “Bei Hof, bei Höll”. *Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller* (= *Studien zur deutschen Literatur*, 60), Tübingen, 1979.

Moss 1998

Moss A., The “Politica” of Justus Lipsius and the Commonplace-Book, *Journal of the History of Ideas*, 59/3, 1998, 421–436.

References

Axerowa A., Łacińskojęzyczne wstręty jako element struktury znaczeniowej tekstów staropolskich, *Pamiętnik Literacki*, 2 (95), 2004, 157–165.

Baczewski S., Literackie świadectwo konwersji – sprawa Kaspra Wilkowskiego, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio FF*, 23, Lublin, 2005, 75–90.

Barłowska M., *Swada i milczenie: Zbiory oratorskie XVII–XVIII w. Prolegomena filologiczne*, Katowice, 2010.

Blair A., The “Problemata” as a Natural Philosophical Genre, A. Grafton, N. Siraisi, eds., *Natural Particulars. Nature and the Disciplines in Renaissance Europe*, Cambridge, Massachusetts, 1999, 171–204.

Bover A., “Desiderosus albo ścieża do Miłości Bożej i do doskonałości żywota chrześcijańskiego”. Polski przekład XVI-wiecznej anonimowej powieści katalońskiej “Spill de la vida religiosa”, *Studia Iberystyczne*, 6, 2007, 171–182.

Cieszyńska B., Topos życia–wędrowki w staropolskich alegoriach edukacyjnych, *Zeszyty naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej. Studia Filologiczne*, 38 (= *Filologia Polska*, 16), 1995, 29–49.

Dovbyshchenko M., The Role of the “Ruthenian Language” in the Religious Life of Ukraine in the 1st Half of the 17th Century (According to Cassian Sa-

kowicz’s Introduction to His Work “Desiderosus”), *Ukrainian Studies*, 4 (77), 2020, 21–32.

Fokin A. R., The Theory of “Inspired Translation” and its Criticism by St Jerome of Stridon, *Christian Reading*, 4, 2019, 77–98.

Grabski A. F., Alfons V Aragoński w Polsce, *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, 14, Warszawa, 1969, 131–140.

Hanusiewicz-Lavallee M., Dawne i nowe. Tożsamość wyznaniowa katolików świeckich w potrydenckiej Rzeczypospolitej, J. Dąbkowska-Kujko, red., *Formowanie kultury katolickiej w dobie potrydenckiej. Powszechność i narodowość katolicyzmu polskiego* (= *Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej w dialogu z Europą. Hermeneutyka wartości*, 6), Warszawa, 2016, 103–144.

Henkel A., Schöne A., Hrsg., *Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts*, 2. Aufl., Stuttgart, 2013.

Khyzhniak Z. I., Sakovyh Kallist, W. S. Bryukhovetskyi, ed., *Academia Kyjevo-mohylaena in nominibus XVII–XVIII aeva: encyclopaedia*, Kyiv, 2001, 471–472.

Kiesel H., “Bei Hof, bei Höll”. *Untersuchungen zur literarischen Hofkritik von Sebastian Brant bis Friedrich Schiller* (= *Studien zur deutschen Literatur*, 60), Tübingen, 1979.

Korzo M. A., Diopter or Mirror, and Image of Human Life in This World (Vievis, 1612): On the History of Orthodox Literature of the Early 17th Century, *St. Tikhon's University Review. History. Russian Church History*, 102, 2021, 24–36.

Korzo M. A., 'Verbal Pictures' in Seventeenth-Century Orthodox Sermons: Predmova svjaščenničeskaja pri šljube malžen'skom in Trebniks,

L'viv 1644 and 1645, *Studi Slavistici* 18/1 (= Per Andrea Trovesi in memoriam), 2021, 19–33.

Moss A., The "Politica" of Justus Lipsius and the Commonplace-Book, *Journal of the History of Ideas*, 59/3, 1998, 421–436.

Pidhayko V. G., Florya B. N., Sakovich Kassian. Biografija, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 61, Moscow, 2021, 160–161.

Маргарита Анатольевна Корзо, кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Института философии
Российской академии наук
109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1
Россия / Russia
ma.korzo@gmail.com

Received June 11, 2021